

История о том, как двое вайнахов побывали в Чечне во время депортации

написано Movladi ABDOULAEV | 18.07.2016

Предлагаем нашим читателям эту невероятную историю, когда двое молодых вайнахов волею судьбы из депортации попали на Родину в 1954 году.

Предисловие

Я АллахI, Я Дела-хастам бо Хьуна ас,

И боккха кьинхетам Ахьа барна,

Бусулба кхолларна, имане валорна,

Хьо цхьаь бен ца хилар сан даг чохь чIагIдарна.

Хьо воцург Дела вац, Хьо воцург Эла вац,

Хьобгар бен, диканиг, Я АллахI, хулийл дац.

Доху лай гуш ву Хьо, дохуриг луш ву Хьо

Хьо реза волу некъ, Ахь суна схьагайта.

Я АллахI, Ислам а, Иман а доху ас,

Дикниг а, вониг а лан доьнал доху ас.

И сурта тIай тIехул чекхвала некъ гайтар,

Эхартехь юьхь хила дуьненан некъ гайтар.

Я АллахI, хьан ницкъе кхочуш цхьа ницкъ ма бац,

Я АллахI, Хььгар бен кьинхетам хуьлийл бац.

Я АллахI – Вез-Дела Хььга ас доьху,

Бехьа Ахь кьинхетам сан нохчийн кьомах.

Я АллахI, Я Дела – гуш волу Дела,

ДоIанца доьху Хььга кхоьллин Дела.

Дуьне а, эхарт а кхоьллина Дела

Я АллахI, тхо балех даха Ахь Дела.

БИСМИЛЛАХIИ РОХЬМАНИ РОХЬИМИ

Написать об этом эпизоде из моей жизни меня подтолкнуло то, что мои знакомые односельчане (ныне живущие в с. Герменчук) очень просят меня перенести на бумагу произошедшее необыкновенное, невозможное по тому времени событие. Поразмышляв, не будучи ни писателем, ни даже журналистом, я рискнул сам написать о том, что произошло со мной в моей ранней юности. Возможно, если бы я не пережил еще две чеченские войны, во мне бы не пробудилось это чувство с такой огромной силой. Я решился рассказать (переложить на бумагу) об этом коротком, но очень значимом для всего чеченского и ингушского народа эпизоде.

Просьба к читателям моей краткой исповеди, постарайтесь понять смысл и содержание изложенных мной мыслей.

С пожеланиями терпения, мужества, добра и человечности

Хусейн Бетишев

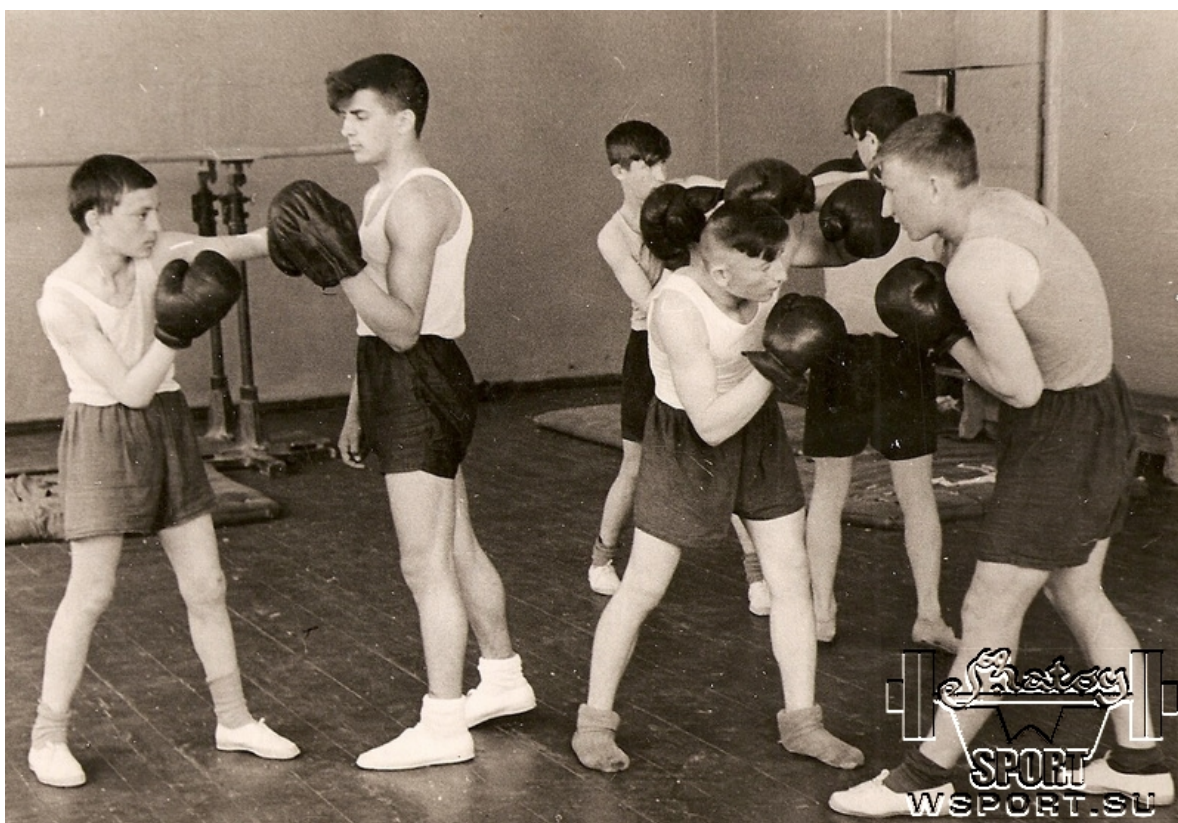
Бети Дади воI Хьусайн

2016 год

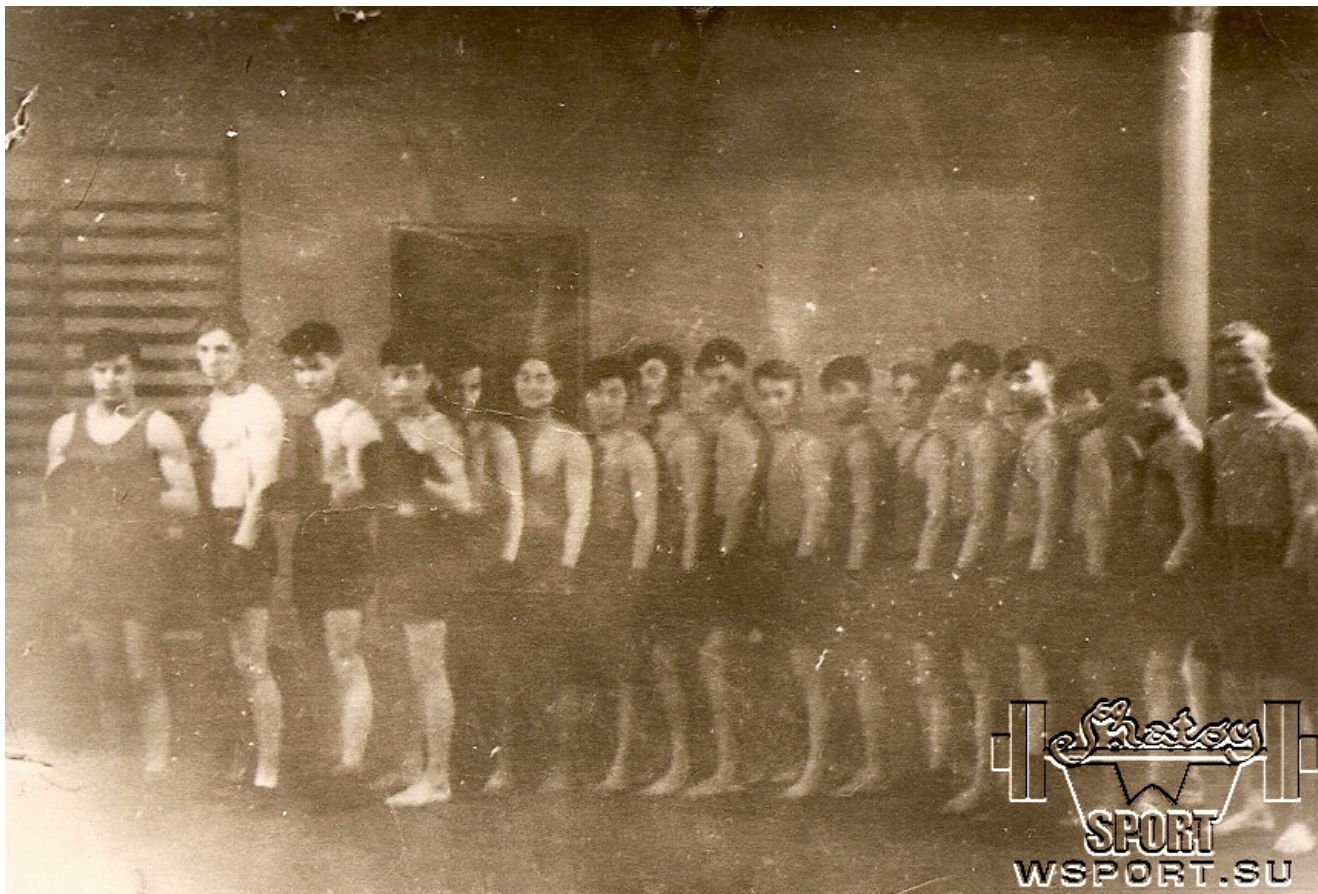
Прошло десять лет с того времени, как чеченцы и ингуши были

отправлены в ссылку в Среднюю Азию. Сначала наша семья оказалась в Джамбульской области, Курдайский район, с. Черная речка. После смерти родителей, они умерли один за другим в 1946 году, нас троих сирот забрала к себе тетя. Она проживала в с. Лубзавод, которое находилось на расстоянии двадцати-тридцати километров от с. Черная речка. В этом селе в 1948 году я пошел в школу в первый класс. В 1949 году наш дядя, живущий в г. Гурьев, узнав о нашей беде, добился разрешения властей и в сопровождении представителя власти нас на поезде привезли в Гурьев и передали дяде. В Гурьеве я пошел в школу во второй класс. Где-то в пятом я увлекся боксом и стал тренироваться в спортивном клубе «Нефтяник».

В этом клубе занимались ребята разных национальностей, в том числе и Энвер Ведзижев – ингуш по национальности. С ним мы подружились. У Энвера были хорошие успехи в боксе и он служил мне примером для подражания. Мы с другом регулярно ходили на тренировки и участвовали в различных соревнованиях.

Энвер Ведзижев (2-й слева) на тренировке, 50-е годы.

В один день наш тренер, по национальности казах, объявил состав команды для поездки на соревнования в г. Грозный. В

состав этой команды были включены и мы с Энвером. Для нас с другом это была неожиданная радость. Счастливые, мы поспешили домой, чтобы поделиться своей радостью с домашними. Когда я сообщил дома о том, что меня включили в состав команды боксеров для поездки на соревнования в г. Грозный, я был потрясен тем, как было воспринято это сообщение старшими. У мужчин на глаза навернулись слезы, они не могли говорить. Женщины же безутешно плакали. Я и сам не мог удержаться от слез и только в этот момент немного осознал, какая боль и тоска по родине скрыта в сердцах и душах моего народа. Мне очень хотелось плакать, освободиться от своей детской сиротской тоски. Как взрослые, которые оплакивали свое изгнание, ровно так же плакал и я, думая о своей сиротской жизни.

Это известие молниеносно разнеслось по всему Гурьеву. Организовалось паломничество, люди приходили к нам домой, встречали нас на улицах. Каждый из них просил максимально запомнить увиденное, услышанное, всматриваться во все. Дома мне наказали, чтобы съездил в с. Герменчук (наше родовое село) насколько это возможно походить по селу, посмотреть состояние домов. А так же, если это будет возможно поговорить с жителями села, если таковые есть, и сфотографировать наш дом.

Энверу же его мать Бата, наказала съездить в с. Урус-Мартан и встретиться с ее знакомой, которая работала в больнице. Итак наша команда в полном составе, во главе с тренером, вылетела в г. Грозный. По приезду нас разместили в ДК им. Ленина. Здесь же должны были проходить соревнования и тренировки.

После очередной тренировки наш тренер отвел меня и Энвера в сторону и сообщил нам о том, что мы не допущены к участию в соревнованиях. При этом он добавил, что мы, должно быть, поняли почему?

Просто он не должен был включать нас в состав команды для поездки в г. Грозный. Сказал, что вопросов по этому поводу не может быть. Естественно мы пали духом. Надежды вернуться

победителями в мгновенья рухнули и нам оставалось только постараться выполнить наказы родственников.

На следующий день, отпросившись у тренера, с обещаниями вернуться до вечера, мы отправились в с. Герменчук (по тем временам с. Мостовое). Ехали туда на попутных машинах очень долго и сложно. Наконец доехали до окраины села и по узким переулкам пошли по нему.

Очень много зелени, фруктовые деревья, грецкие орехи – сказочная природа. Для нас, живущих в степных краях, было такое ощущение, что мы находимся не на земле. Было ощущение, словно мы попали в земной рай. Мы видели много живности: куры, утки, гуси, свиньи. Особенно много было свиней и поросят, они бултыхались в ручейках, протекающих по переулкам и поедали опавшие фрукты. Было понятно, что в селе живут люди. Мы бродили по узким улочкам, разглядывая дома, просматривались дворы, так как заборы были невысокими или полуразвалившимися.

Все время преследовал запах, исходящий от свиней, который нас сильно раздражал. Дома и дворы были не ухожены, чувствовалось, что нет настоящего хозяина, все временщики. С нами никто не пытался заговорить и мы ни к кому из встречающихся на улицах не обращались. Однако чувствовалась какая-то настороженность и интерес к нам. Своего родного дома, который мне обрисовали домашние, я так и не смог обнаружить. Уже не один час мы с другом бродили по этим узким улочкам и проулкам. Молча, время от времени наклоняясь за опавшими фруктами, мы рассматривали все, продолжали бродить по селу. По ходу набрали на речку, очень обрадовались. Эта речка протекала по селу. Перейдя ее вброд, мы оказались на противоположной ее стороне. Здесь мы помыли руки, освежились, перекусили собранными нами фруктами, отдохнули. После всего, переговорив с другом, решили – больше нам здесь делать нечего.

По узкому переулку мы направились в сторону дороги, чтобы уехать в Грозный. Несмотря на то, что вокруг все та же красота, но уже ощущений тех не было. Приблизившись к

очередному двору, услышали чеченскую речь. Мы с другом застыли напротив калитки, как вкопанные и ничего не могли понять. Как это возможно? Кто, кроме нас двоих может говорить здесь на чеченском языке? Должно быть – это сон наяву?

Нет, это был не сон – это явь и во дворе дома ребята говорили на чеченском языке. Они были заняты ремонтом велосипеда и увлеченно спорили. Спорили на нашем чеченском языке.

Мы подошли к ним и поприветствовали их словами приветствия: Ассаламу Талайкум, ирсе болх хуьлийла шу. При этих словах, так же как и мы (когда мы услышали чеченскую речь) пораженные нашим приветствием на чеченском языке, ребята замерли. Это немая сцена продолжалась до тех пор, пока на крыльце дома не появилась женщина и обратилась со словами: Шун хІу хилла? Шу ма тап аьлла цІаьххьана дІатийна! Аш со инзар ма яаьккхи! *(Что с вами случилось? Что вы вдруг застыли? Вы меня удивили! – здесь и далее пер. WSPORT-SHATOU).*

Опять из уст женщины, как и от ребят, мы услышали чеченскую речь. Мы воспрянули духом, так как, блуждая по селу ни одному из нас, не могло прийти в голову войти в какой-либо двор. Мы незваные гости. В этом дворе нам стало легко дышать. Мы осмелели и приветствовали ее словами: де дика дойла хьан *(Добрый день)*. Быстрыми шагами она подошла к нам, обняла за плечи двумя руками, плача прижала к своей груди. Первыми ее словами, обращенными к нам, были – Марша вогІийла шуьшиь! Мичара, муха кхечи шу хІокху юьрта? ХІокху итт шар чохь цхьа нохчи адам гина а, хезна а ма дац махкахь! Дала валина шуьшиь. *(Приходите свободными (приветствие у вайнахов, подобное – добро пожаловать)! Откуда, как вы попали сюда? Эти 10 лет здесь не видели и не слышали ни одного чеченца! Вас Бог привел сюда!)*. Плача и причитая, говорила, что не верит своим глазам, не верит своим ушам. Ее слезы и волнения передались и нам, на наши глаза навернулись слезы.

Немного успокоившись, она представилась – Келимат и стала задавать вопросы – кто мы, откуда и как мы попали в с.

Герменчук. Я с удовольствием и радостью стал отвечать на ее вопросы. Представился, что меня зовут Хусайн, уроженец этого села, мы приехали в г. Грозный на спортивные соревнования из г. Гурьев. Мои родные мне поручили съездить в с. Герменчук посмотреть как там, побывать в родительском доме и привезти фотографию дома и в баночке землю со двора. Дома не нашел. И теперь мы направляемся к дороге, чтобы уехать назад в г. Грозный. Келимат спросила меня, как звали моих родителей? Я ответил, что мой отец известный в селе кузнец имел свою кузню, звали Дада, а мать мою звали Эхират. Я их младший ребенок – Хусайн. Последние слова ей не были услышаны. С возгласами – хьо ву и Къакъа! *(Так это ты тот Къакъа)* Хьо ву и Къакъа! Хьо ву и Къакъа! ВогІийла хьо маърша! Громко навзрыд плача она прижимала меня к своей груди, гладила по голове, плечам, ее слезы текли по моему лицу вперемешку с моими слезами, а она все, продолжая причитать – хьо ву и Къакъа – ласкала меня.

Вместе с этой женщиной, которая словно родная мать обнимала и ласкала меня, я плакал, не стесняясь своих слез. И в этот момент я почувствовал, чего мне не хватало, чего я был лишен всю свою сиротскую жизнь. Мне всегда недоставало искренней доброты и материнской ласки. И я это чувствовал.

Келимат же плача и обнимая меня, продолжала говорить. Она говорила мне, указывая на соседский двор, ты же у себя дома – это же двор и дом родителей, твоей матери – Къакъа! Я же нянчила, убаюкивала тебя на своих руках. Тебя Эхират почти каждый день приносила, когда шла к родителям. Тебя же все любили, с тобой носились. Ты был очень упитанным ребенком, поэтому тебе и дали это ласкательное имя – Къакъа. Мне об этом же рассказывала моя старшая сестра Айзан, которая, кстати, заменила нам с братом мать. Келимат повела меня на улицу, указала на соседский дом со словами – вот ваш дом, дом твоей матери Эхират. Войти во двор родителей моей матери Келимат не предложила.

Помню, что в этом доме проживали русские переселенцы. Просматривалось такое же убожество и неухоженность, как и во

всех дворах. Мы вернулись во двор Келимат. Осмелев, я спросил, знает ли она где дом моих родителей, мой дом.

С улыбкой на устах она ответила, конечно, знает, немного придя в себя, поведет меня туда. Далее Келимат нам пояснила, что попав в с Герменчук, мы бродили по противоположной стороне, так как речка Джалкъ разделяет село на две части. И не перейди мы Джалкъ вброд, не окажись в этом переулке, и не услышь чеченскую речь уехали бы из села ни с чем. По сегодняшней день и до конца моей жизни я буду благодарить Всевышнего за эту удачу. Это не было случайностью! Это Аллах повел нас по направлению к дому, где говорили на чеченском языке. Во дворе, соседствующем с домом родителей моей матери.

И только по воле всемогущего Аллаха в этом доме оказалась Келимат, которая знала моих родителей. Всемогущий Аллах дал мне возможность побывать в родительском доме. Хвала тебе о Всемогущий Аллах! Распорядившись по дому, Келимат повела меня и Энвера к моему родительскому дому.

Хусейн Бетишев и Энвер Ведзижев

Пройдя по узкому очередному переулку, Келимат указала на дом и сказала мне: «Къакъа, вот твой двор и дом твоих родителей». К нам на встречу вышел мужчина. Поздоровавшись, он спросил, кто мы будем. Я ответил, что я хозяин этого дома и приехал, чтобы посмотреть на него. Без лишних слов мужчина пригласил нас поближе к дому. Из дома вышла женщина и также приветливо поздоровалась. Огляделся, та же картина что и во всех дворах. Хозяин стал рассказывать, как они следят за состоянием дома, двора. Указав на кровлю, сказал, что совсем недавно отремонтировал крышу. Дом был сложен из самана, снаружи помазан глиной, покрыт черепицей, окна и двери были деревянные, внутри и по длине дома крыльцо, откуда дверь вела в коридор. В коридоре были двери, которые вели в три комнаты, средняя комната считалась гостевой. К дому был пристроен длинный широкий навес, а в конце – помещения, рассчитанные для скота, всякой живности, а также для других хозяйственных нужд. Я вошел в дом. Меня поразило, что в гостевой комнате было стойло и остатки недоеденного сена.

Меня это сильно удивило, и на мой немой вопрос хозяин ответил, что зимой в сильный холод он заводит сюда свою лошадь, чтобы она не замерзла. Оставив всех во дворе, я пошел вглубь двора. Там в огороде набрал в баночку земли, затем сфотографировал дом. Тем временем хозяин сказал, что ему уже пора идти на работу. Он был на обеденном перерыве. Работал он председателем колхоза. Мы вернулись в дом Келимат. Нас усадили за стол, где были всевозможные угощения. Ели мы с аппетитом, так как, кроме фруктов подобранных на улицах, с утра ничего не ели. Келимат тем временем поведала нам о своей жизни. Будучи чеченкой по национальности, она была замужем за кумыком, звали его Закри. На тот момент его уже не было в живых. Он поселился в с. Герменчук, будучи человеком уживчивым и мастером на все руки, был востребован. Научился говорить на чеченском языке. В селе его приняли за своего. И чтобы все это закрепить с согласия родителей и родственников за него выдали замуж Келимат. Были у

них и дети. Помню зятя Ваху и его сына, внука Келимат, Хусайна, с которым я подружился и впоследствии мы с ним вели переписку.

После застолья, немного отдохнув, мы, сказали хозяевам, что нам уже нужно возвращаться в Грозный. Обещание, данное тренеру, вернуться до вечера мы должны выполнить. Ни Келимат, ни все остальные не приняли это. Все в один голос заявили, что, не переночевав в их доме, мы никуда не уедем. Наша беседа продолжалась.

Мы отвечали на вопросы хозяев, было их бесконечное множество. Но больше всего их поражало то, как мы могли попасть на родину. Тем временем в переулке было какое-то оживление. Хозяева сказали, что по селу прошел слух о том, что приехали двое вайнахских ребят. Они, по-видимому, хотели посмотреть на «врагов народа». Беседа продолжалась до ужина. Затем нас уложили спать в мягкие постели, и мы заснули мертвецким сном. Наутро умывшись и позавтракав, мы были готовы к отъезду.

Под нескончаемые слезы и добрые пожелания Келимат и ее домочадцев мы вышли со двора. В руках мы несли саквояжи с угощениями. Весь переулок был забит людьми. Впереди шел Ваха и прокладывал нам дорогу. Ваха просил собравшихся расступиться и дать возможность пройти.

Никто нас не трогал, никто не пытался заговорить с нами. Мы шли и шли, на нас смотрели, смотрели и давали возможность проходить вперед – расступались. Когда вышли на центральную улицу, мы с Энвером были поражены еще больше. На этой широкой улице и на площади перед сельским клубом, все пространство было забито людьми. Создавалось, впечатление, что все село вышло на улицу. Идти было еще труднее, так как пространство от расступающихся людей было очень узким. Нам пришлось свои саквояжи нести впереди себя на руках. Ваха, который шел впереди и прокладывал дорогу, просил собравшихся расступиться, дать нам пройти. Наконец мы добрались до машины, тепло попрощались с Вахой и поехали в Грозный. И только сидя в

машине, я стал размышлять о том, что это было?

Зачем собрались всем село, чтобы посмотреть на нас двоих. Ведь мы не артисты, не циркачи и уже не спортсмены, так как нам запрещено участвовать в соревнованиях. Нас никто не приветствовал, нам никто не улыбался нам ни сказали, ни одного доброго слова. Все молчали. А из-за этого молчания я не мог понять, о чем они думают. Просто должно быть каждому из них хотелось своими глазами увидеть живого «врага народа», врага всего человечества, которого лишили всего: родины, дома, права на свободное перемещение, право на справедливость. А нас подростков еще и права участвовать в спортивных соревнованиях.

Вернувшись, в Грозный, первое, что сделали – это пошли с извинениями к тренеру. Рассказали о причине, по которой не вернулись во время, преподнесли ему угощения. Помня о наказе матери Энвера, а также имея свободное время мы уговорили тренера отпустить нас в Урус-Мартан по тем временам – село Красноармейское. Дав клятвенное обещание тренеру вернуться до вечера, мы с Энвером поехали в с. Красноармейское. Добирались сложно, несколькими транспортными средствами.

Худо-бедно доехали до места. По вызову Энвера из здания больницы вышла женщина. Я стоял в стороне, видно было по ней, что она никак не обрадовалась встрече. Лицо ее было напряженным, она озиралась по сторонам, словно пребывала в каком-то испуге. Говорили они недолго. Не знаю, попрощалась ли она с Энвером, но мне даже не кивнула головой.

Когда мы отошли от этого места на несколько шагов я невольно оглянулся, женщины уже не было видно. Об этой поездке и этом эпизоде мы больше никогда не вспоминали. На попутной машине мы вернулись в г. Грозный. За то, что вернулись раньше обещанного времени, заслужили похвалу тренера. Мы продолжали бездельничать, так как оставалось еще два дня до конца соревнований. Тренироваться и ходить на стадион не было никакого желания. С остальными ребятами из нашей команды мы почти не общались. Уже не было никаких точек соприкосновения.

Мы с Энвером блуждали по г. Грозному, любовались природой, все было очень интересно.

Наступил день нашего вылета. Тем же способом, как и в Грозный, мы вернулись в г. Гурьев на самолете. Находясь на борту самолета, размышляя о случившемся, я не ощущал какого-то сильного сожаления о том, что меня не допустили к соревнованиям. Эту тяжелую мысль перебивала другая. Я побывал на родине моих предков, моих родителей, моей родине! Увидел двор и дом, где я родился, где жили мои родители. Побывал во дворе и в доме, где жили родители моей матери и где она родилась. Побывал там, где мечтал побывать каждый вайнах, но, ни в коем случае он, не мог высказать это желание вслух. Как можно, он же враг народа – эта мечта неисполнима.

Слева Хусейн Бетишев, справа Энвер Ведзиев.

Я же с осуществленной мечтой всего вайнахского народа вместе со своим другом Энвером, с баночкой родной земли, фотографией родительского дома приземлился в аэропорту г. Гурьев. Нас встречали словно паломников, которые посетили святы места. Слушали нас затаив дыхание. Баночка с землей ходила по рукам.

Особенно, когда проходили какие-то семейные мероприятия, меня приглашали на них. Мне приходилось каждый раз рассказывать об

увиденном и услышанном на родине. Баночка с землей и фотографии нашего дома переходили из рук в руки. Каждый присутствующий брал из баночки щепотку земли, прикладывал к ней губы, читал молитву и бережно высыпал обратно в баночку. При этом всегда у всех на глазах стояли слезы. Можно даже сказать, что все плакали. Энвер и я приобрели большую популярность среди вайнахов.

Взрослые, при виде нас, подзывали к себе и снова-и снова мы должны были рассказывать об увиденном и услышанном. Кроме этого, по возвращении в Гурьев я вел переписку с внуком Келимат – Хусайном. Он писал о сельских новостях. О том, что после нашего отъезда в селе началось какое-то брожение.

Люди в спешном порядке стали уезжать, покидая жилища. По-видимому, в течение десяти лет, которые они прожили в селе, не имея никакого представления о чеченцах – врагах народа, им не могло прийти в голову, что какой-нибудь чеченец может появиться в этом крае, тем более в селе. И вдруг в селе появились мы – двое вайнаховских ребят, представители врагов народа. Невольно мы стали причиной их бегства в страхе из села. Такого рода новости радовали и вселяли надежду на возвращение на родину.

Да, по возвращении в Гурьев мы своего тренера больше не видели. О нем ничего не было известно, кроме того, что вроде бы он куда-то уехал. Однако всем было ясно, что его исчезновение связано с тем, что он включил нас с Энвером в состав команды на соревнования для поездки в г. Грозный. Наши с Энвером занятия спортом постепенно сошли на нет. Просто изредка, для собственного удовольствия, ходили на тренировки.

Наконец наступил желанный день! Осуществилась мечта, тринадцатилетняя мечта вайнахов! Своим указом Н.С. Хрущев разрешил народу вернуться на свою историческую родину – наш народ реабилитировали. Весь народ искренне был благодарен Н.С. Хрущеву за его благородный поступок и этот Указ. В мае 1957 г. мы вернулись на родину в с. Герменчук. Действительно, село

выглядело каким-то опустевшим.

Не было той живности, не видно было и людей. Мы вошли в свой двор. На дверях дома висел замок, во дворе никого не было видно. Спустя некоторое время появилась жена председателя – хозяйка дома. Она заговаривала со мной, так как мы уже были знакомы. Сообщила, что все свое имущество и живность они уже вывезли в Ставропольский край. Муж уехал с намерением обустроить там быт и устроиться на работу. С этими словами она протянула мне ключи от дома. Кроме того, она попросила денег на проезд. Дядя дал ей денег и, попрощавшись с нами, она уехала.

Никаких проблем с возвращением в родной дом у нас не было, в то время как многим другим возвратившимся на родину некуда было пойти. Проживающие в их домах новые хозяева не пускали их даже во дворы. Таким было возвращение на родину. Это называлось реабилитацией вайнахов! Келимат уже не было в живых. Она умерла незадолго до нашего возвращения на родину.

Ваха же со своей семьей, спустя некоторое время после нашего возвращения, переехал жить в Аргун. С Хусайном, моим другом, мы продолжали общаться до моего отъезда на учебу в г. Ростов-на-Дону в 1958 году. После этого связь с этой семьей у меня прервалась.

Слева Энвер Ведзижев, справа заслуженный тренер СССР по тяжелой атлетике Ибрагим Кодзоев, г.Грозный, 70-е годы.

Заключение

Неведомо нам, где конец нашей жизни,

Каков он и что начертал нам Аллах!

Но ведомо нам, и истинно это –
Что спослан на землю священный Коран.
Аллах говорит нам устами пророка,
Покорными будьте лишь Мне одному.
Любите и бойтесь лишь только Аллаха,
И будьте рабами Его одного.
Мухьаммад-Пророк – наделенный печатью,
Быть в умме Его – это честь велика.
Стремитесь быть членами уммы пророка,
Он вас защитит в Час Большого Суда.
Безмолвные ангелы нас охраняют,
Они же хранители всех наших дел.
И скрыть невозможно нам наши пороки,
Одно лишь спасение истинный путь.
Вся истина в том, что Аллах есть – единый,
Последний посланник Его – Мухьаммад!
Молитесь и плачьте, молитесь Аллаху,
Молите спасенья и милость Его!

Слева направо: младший брат Энвера Веджижева – Альтмар, Хусейн Бетишев, двоюродный брат Энвера Веджижева – Арсемик Курумов. Грозный, 2016 год.

Примечание: Энвер Веджижев, ставший впоследствии известным в республике врачом-стоматологом, умер в 1993 году после тяжелой болезни (Дала геч дойла цунна). Хусейн Бетишев живет в Грозном, иногда бывая в родном селе Герменчук.

WSPORT-SHATOY благодарит Муслима Гапуева за помощь в подготовке этого материала.